
Рейчел ПОЛОНСКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ХАДЖИ-БАБЫ ИЗ АРЗРУМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

(Один из источников пушкинского знания о Востоке)

...Город предстает очень живописным; древние минареты и сгнившие башенки, внезапно вздымающиеся вверх у вас на глазах...

Дж. Ю. Мориер. «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии»¹

Арзрум <...> Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Хаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человеческих.

Пушкин. «Путешествие в Арзрум»²

Во время первой поездки на Кавказ в начале 20-х годов Пушкин в письме к П. Вяземскому пытался определить свое отношение к проблеме «восточного» поэтического стиля, ссылаясь на двух современных ему английских поэтов. Он сравнил Байрона с его другом Томасом Муром, автором популярной и коммерчески успешной поэмы «Лалла-Рук» (1817): «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. К стати еще —

¹ Произведения Мориера цитируются по след. изданиям: *Мориер Дж. Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана*. М.: Художественная литература, 1989; *Мориер Дж. Мирза Хаджи-Баба Исфгани в Лондоне*. СПб.: Изд. книгопродавца Смирдина, 1830. В тех случаях, когда перевод отсутствует, цитаты даны в моем переводе. — А. Г.

² *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 8/1. Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 477. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он черес чур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца» (т. 13, с. 160).

Одним из писателей пушкинского времени, который успешно смирил свое восхищение перед Востоком, взглянув на него холодным «взором европейца» и создав тем самым оригинальный литературный стиль, был Осип Сенковский. В 1822 году Сенковский собирался занять должность профессора арабского языка в Санкт-Петербургском университете, в которой он оставался до 1847 года, несмотря на то, что к 1830-м годам целиком отдался литературному творчеству и журналистике. До этого Сенковский провел несколько лет, путешествуя по мусульманскому миру, посылая путевые заметки из Египта и Сирии и переводы арабской и персидской поэзии (включая Хафиза) в периодические издания родного Вильно и, позднее, в Санкт-Петербург. В 1819 году он на короткое время присоединился к русской дипломатической миссии в Константинополе в качестве посланника. Как будто вторя словам Пушкина о ценности холодного «европейского взора», биограф Сенковского В. Каверин замечает, что девятнадцатилетний востоковед, путешествовавший из Вильно на восток в 1819 году, был «хладнокровным наблюдателем всего, что могло представлять интерес не только для европейской науки, но и для европейской цивилизации. Скептический европейец чувствует в каждой строке его путевых заметок»³.

Сенковский, «странное сочетание клоуна и ученого», охарактеризован в романе Юрия Тынянова об Александре Грибоедове как «новое светило; профессор, писатель, путешественник. Новый остроумец...». Двумя основными источниками литературного стиля Сенковского, в характерном сочетании научности и комизма, были, во-первых, знание «плоти и духа» Востока, которое, по его собственному признанию, он приобрел за годы путешествий; и, во-вторых, традиция английской сатиры XVIII столетия: стиль Свифта, Стерна и Дефо, а также иронический тон, принятый в журнале «Зритель». Сочетание язвительного остроумия и страстного увлечения Востоком ярко проявляется в критическом стиле Сенковского уже в конце 20-х. В «Северной пчеле» за 1827 год под псевдонимом Тутундью-Оглу-Мустафы-Аги, сына сирийского торговца табаком и продавца яффского мыла в петербургском Гостином

³ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 15.

дворе, он едко и весьма занимательно уничтожает своей критикой научную работу известного венского востоковеда Йозефа фон Хаммера (1774—1856). В популярном журнале «Библиотека для чтения», издававшемся им под именем Барона Брамбеуса (псевдоним, который он позаимствовал из лубочной литературы в честь своего кучера, ею зачитывавшегося), Сенковский познакомил своих многочисленных читателей с английскими писателями и их произведениями. Холодный, острый и беспристрастный «дух сатиры» Свифта, непосредственно воплощенный в его рассказе «Незнакомка» (1833), пронизывает все им написанное.

Именно Сенковский высказал научное мнение о том, что роман, столь любимый им в его английском сатирическом варианте образца XVIII века, возник как литературный жанр в Аравии в средние века и эмигрировал оттуда в Европу. Занимательный литературный стиль самого Сенковского был, безусловно, почерпнут им из арабских и персидских текстов, которые он изучал, будучи профессиональным востоковедом. Фон его рассказов обычно восточный. Сенковский усвоил также восточный стиль поведения, принимая гостей в своей квартире на Почтамтской улице в Санкт-Петербурге облаченным в турецкие брюки, албанскую куртку, феску, раскинувшись на подушках на полу, в облаках ароматического дыма из хрустального кальяна.

На русском литературном рынке Сенковский и явился, сочетая научное знание Востока со вкусом к английской сатире. По воспоминаниям его жены Аделаиды, желание приобрести новую лошадь для ее экипажа подтолкнуло любящего мужа (тогда молодого университетского преподавателя, жившего не по средствам) к переводу английского романа, чтением которого молодожены недавно вместе наслаждались. Этим романом были «Приключения Хаджи-Бабы в Лондоне» Джеймса Юстиниана Мориера (1780—1849), продолжение его знаменитой сатиры на Персию времен Фатх-Али-шаха «Приключения Хаджи-Бабы Исфаганского». Сенковский продал свой перевод первопроходцу книжного рынка Александру Смирдину, который и опубликовал роман в 1830 году. Год спустя, воодушевленный успехом книги, Сенковский перевел первый роман Мориера о Хаджи-Бабе, хотя, по свидетельству Аделаиды Сенковской, он продавался не так хорошо, как его продолжение. Смирдин был так восхищен переводами Сенковского, что уговаривал его заняться самостоятельным литературным творчеством.

Остроумный, с запутанным, стремительно развивающимся сюжетом плутовской роман Мориера впервые увидел свет

анонимно в 1824 году. Герой, которого Вальтер Скотт характеризовал как «плута <...> с легким отношением к морали <...> но совсем не злобного»⁴, ловко меняет обличья, сбрасывая и надевая маски, по мере того как продвигается вверх и вниз по социальной лестнице. Роман изобилует документальными деталями о дворе Фатх-Али-шаха, а также местных обычаях и традициях различных регионов и народов Персии, Южного Кавказа, Аравии и Османской империи. Хаджи-Баба — сын «одного из самых знаменитых брадобреев Исфагана», которого зовут «Хаджи», что означает «паломник», потому что он родился в то время, когда его родители совершали паломничество к шиитской святыне — к Иمامу Хуссейну в Кербалахе. Он уходит из дома, чтобы присоединиться к багдадскому купцу в качестве странствующего цирюльника. Вскоре его похищает банда турок, он спасается, подвергается ограблению, становится водовозом, продавцом табака, мошенником, помощником придворного знахаря. Его назначают сопровождающим лицом главного придворного палача, и он влюбляется в Зейнаб, девушку из курдской секты Йезееди, по всей видимости, исповедующей культ дьявола.

Зейнаб выбирают для обширного гарема шаха, но вскоре палачи шаха подвергают ее ужасной казни, сбросив с высокой башни. Убитый горем Хаджи-Баба обращается к религии, сблизившись с дервишем, а позднее — с хитрым, притворно ревностным муллой. Приключения приводят его в Константинополь, столицу Османской империи, где он начинает торговать курительными трубками. Притворившись влиятельным арабским торговцем, он женится на богатой турецкой вдове из Эмира, но скоро ее семья разоблачает его. В отчаянии Хаджи-Баба ищет защиты персидского посла, которого настолько поражает его плутовство, что он отвозит его обратно в Тегеран, где Хаджи оказывается вовлеченным в придворную жизнь и дипломатическую деятельность.

Хаджи-Бабе дают задание «познакомиться с неверными», объяснить обычаи и цели русского, французского, британского и других «европейских» («Frankish») посольств при великолепном дворе Фатх-Али-шаха, который озадачен их тонкими и назойливыми прошениями и возможными последствиями военных кампаний Бонапарта для Персии. Последние главы представляют собой язвительное сатирическое описание европейцев, «народов, которые носят шляпу», какими они предположительно предстают перед «теми, которые носят

⁴ Scott W An Appreciation // Moner J J The Adventures of Hajji Baba of Ispahan London, 1989 P XIII

бороду». Хаджи-Баба описывает приезд в Тегеран английского посла, которого приняли «настолько блестяще, насколько это возможно <...> и грубые нарушения этикета со стороны упрямого неверного, который настаивает на том, чтобы не снимать туфли, и отказывается надеть подходящие случаю персидские красные чулки на аудиенцию с шахом. Хаджи-Бабу в конце концов назначают «первым мирзой или главным секретарем» первого посла шаха в Лондоне, и роман кончается — с намеком на продолжение. Роман «Приключения Хаджи-Бабы в Лондоне», появившийся в 1828 году, повествует о путешествии Хаджи-Бабы за границу, через Константинополь в Лондон по морю, и дает живое описание служебных и любовных походов героя в Англии эпохи Регентства.

По-английски «Хаджи-Баба» переиздавался много раз на протяжении XIX и начала XX века, привлекая внимание как своим увлекательным повествованием, так и точным и детальным изображением персидского общества начала XIX столетия. При этом книга вызывала самые разные эмоции. В начале века Вальтер Скотт высоко оценил «легкое и занимательное развитие событий в приключениях нашего друга Хаджи», которые, писал он, «легко и забавно знакомят с восточными нравами и обычаями»⁵. В конце века, во введении к изданию 1894 года лорд Керзон, заслуживший репутацию убежденного империалиста, охарактеризовал роман как «изображение людей беспечных, сообразительных и веселых, но коварных, лицемерных и неискренних; метафизиков и казуистов, льстецов и мошенников, джентльменов и лжецов, *hommes d'esprit* и все же неизлечимых трусов»⁶.

В конце 80-х «Хаджи-Баба» был переведен на персидский язык мирзой Хабибом Исфаганским, уроженцем того же города, что и герой Мориера. Перевод мирзы Хабиба, который переходил в рукописном варианте из рук в руки в Персии 90-х годов, был оценен интеллектуалами — противниками шахского режима — как сатира, направленная против деспотизма. Как художественное произведение перевод мирзы Хабиба считается иранскими читателями оригинальным творением, имеющим общественное значение, и одним из шедевров персидской литературы. Поклонники перевода Хабиба, в числе которых немало знаменитых советских специалистов по Ирану, подчеркивают возможность того, что английский подлинник был по большей части продиктован Мориеру настоящим

⁵ Scott W. Указ. соч. P. XI.

⁶ Morier J. The Adventures of Hajji Baba of Ispahan with an introduction by the Hon. George Curzon, London, 1894. P. XXIII.

персом. Действительно, характерное для XVIII века предисловие к роману Мориера, опубликованное анонимно, подписанное вымышленным лицом по имени Персидский Пилигрим (Peregrine Persic), указывает на то, что «Приключения» основаны на фактах, то есть рукопись была получена из рук самого Хаджи-Бабы. «Я знаю англичан, — говорит Хаджи-Баба Персидскому Пилигриму. — Я отметил их любознательность и жажду знаний. Когда бы я ни путешествовал с ними, всегда замечал, что они записывают свои наблюдения; и когда они возвращаются на родину, то знакомят своих соотечественников с самыми далекими краями земного шара. Поверишь ли ты, что я, будучи персом, последовал их примеру?»

В этом шутовском намеке на то, каким образом Восток и Запад наблюдают друг за другом, подражают друг другу и учатся друг у друга, присутствует изрядная доля точно нацеленной самоиронии: Мориер и сам путешествовал из Тегерана в Лондон в 1809 году, доставляя письмо от шаха Георгу III (по тому же маршруту, что и Хаджи-Баба), в компании первого посла Персии при дворе короля в Лондоне, чрезвычайного посланника мирзы Абул Хасана. Обмен впечатлениями между английским и персидским дипломатами, путешествовавшими вместе в течение семи месяцев, создал основу для написания «Хаджи-Бабы». В своем первом опубликованном произведении, традиционных документальных путевых заметках, Мориер отдает должное мирзе Хасану и всем тем знаниям о культуре Востока, которые он получил от своего персидского спутника, «настоящего джентльмена».

Мориер, сын английского купца, родился в Смирне и получил образование в Англии. Он ездил в Персию в 1808 году, что было частью его дипломатической миссии. «Самым важным объектом политики в Персии» в то время, как отмечал Мориер, была война с Россией за Грузию, Дагестан и Азербайджанские ханства. Вражда с «неверными псами русскими», злые насмешки персидских хвастунов и вопиющая лживость властей предоставили богатые возможности для создания комического эффекта в «Хаджи-Бабе». Между 1810-м и 1816-м, в годы, непосредственно до и после Гулистанского соглашения, которое завершило девятилетний конфликт, Мориер служил в качестве представителя своей страны при персидском дворе. В течение последних двух лет он отвечал за посольство в Тегеране. Тот факт, что Мориер так непосредственно выступал в качестве проводника колониальной политики своей страны, находившейся в конфликте с русскими интересами, позволил Виктору Шкловскому сделать тонкий намек во введении к первому советскому изданию перевода

«Хаджи-Бабы» Сенковского, что Мориер был как-то связан с убийством Грибоедова в Тегеране в 1829 году. Хотя это и произошло длительное время спустя после того, как Мориер уехал из Персии и оставил дипломатическую деятельность, чтобы посвятить себя литературе. «Те условия, в которые попал Грибоедов и в которых он погиб, — пишет Шкловский, — вероятно, в значительной мере были подготовлены Джеймсом Юстинианом Мориером, умевшим не только писать романы»⁷.

Кажется, однако, что современник Грибоедова Пушкин нашел романский стиль Мориера полезным для себя, когда предпринял попытку смирить восхищение перед Востоком, взглянув на него «взором европейца» в своем «Путешествии в Арзрум», путевых записках времени Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Пушкин рассуждает как человек, не только кровно связанный со своей культурой, языком, но и учитывающий политическую обстановку (ситуацию колониальной войны). Пушкинское «Путешествие» — произведение, полное вопросов, обращенных к самому себе, где автор остро осознает, какого рода давление оказывает национальная принадлежность, и неизбежно встречает трудности, сопутствующие изображению чужой культуры. Возможно, роман Мориера подсказал ему новую манеру, в которой можно писать о Востоке: демократичный стиль повествовательной прозы, отстраненной и сатирической, обжитой не экзотическими героями и героинями восточно-романтической поэзии с ее трагическими сюжетами, но живыми комическими характерами, основанными не на европейских литературных клише или на подражании восточным образцам, а на непосредственном наблюдении.

Пушкин, конечно, полагался на Сенковского как на источник знаний о Востоке. «...Мы, непосвященные, должны доверять его свидетельствам, касающимся Востока», — писал он. В то же время он едва ли нуждался в том, чтобы ученый предварил его знакомство с характером Хаджи-Бабы. Последняя глава «Путешествия в Арзрум» описывает город, который только что без боя был взят у турок отрядом графа Паскевича. В начале главы Пушкин иронически имитирует традиционный стиль путевых заметок с их скрупулезностью и педантизмом. «Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго» (т 8/1, с. 477). Затем резко, в характерной для «Путеше-

⁷ См предисловие В Шкловского *Мориер Дж Похождения Хаджи-Бабы* М Молодая гвардия, 1931 С 7

ствия» манере, играющей с европейскими представлениями о Востоке путем быстрой смены стиля, тона, а также отсылки к источникам, Пушкин упоминает без дальнейших объяснений не самого Мориера, а плута Хаджи-Бабу в качестве вымышленного источника странного предания относительно города: «Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Хаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человечесьих» (т. 8/1, с. 477).

После этого Пушкин возобновляет поток более достоверной информации о населении Арзрума, его климате, архитектуре, географическом и топографическом расположении, цитируя французского ботаника и путешественника начала XVIII века Турнфора, одного из европейских авторитетов, на которого часто ссылается Мориер в «Путешествии».

Пушкинское упоминание Хаджи-Бабы представляет собой некую тайну или мистификацию. Оно отсылает к сцене, имевшей место в Арзруме во время путешествия Хаджи-Бабы с персидским послом из Тегерана через Константинополь в Лондон во втором романе Мориера — «Приключения Хаджи-Бабы в Лондоне», — но впервые этот роман был опубликован на английском лишь за год до путешествия Пушкина в Арзрум и появился в русском «свободном» переводе Сенковского год спустя после его путешествия. «Путешествие в Арзрум» увидело свет в 1836 году в первом выпуске пушкинского журнала «Современник». При изучении библиотеки Пушкина становится ясным, что за время между путешествием и публикацией отчета о нем Пушкин приобрел и прочел ряд работ по восточной тематике, включая книги об Арзруме и Русско-турецкой войне, тем самым сделав добавление к значительному количеству серьезных книг о Востоке на английском и французском языках, которые он собрал и прочел в конце 20-х годов.

Среди его приобретений 30-х годов — три произведения Мориера: «Зораб-заложник», «Аиша, девушка из Карса» (Карс — одно из мест, которые Пушкин посетил во время своей поездки) и переработанное издание «Приключений Хаджи-Бабы» (оно выходило по-английски в Париже в 1833, 1834 и 1835 годах). Пушкин разрезал страницы первых двух романов, но не «Хаджи-Бабы», что означает, возможно, что он уже был знаком с содержанием книги. В любом случае употребление им прошедшего времени («Я знал о нем...») создает впечатление, что он прочел «Хаджи-Бабу в Лондоне» в английском подлиннике сразу же после публикации и что приключения Хаджи-Бабы предвляли как его собственные впе-

чатления от азиатского города, так и все те источники, с которыми он познакомился за семь лет, прошедшие между его путешествием и публикацией произведения Мориера. Пушкин сообщает учительским тоном, что Арзрум был важным городом на сухопутном торговом пути с востока на запад, в Европу; в случае с Хаджи-Бабой — из Тегерана в Лондон. А между тем и сам Пушкин испытывал сильное желание посетить Лондон в 1828 году. 20 апреля в Санкт-Петербурге у Жуковского Пушкин, Грибоедов, Крылов и Вяземский говорили о «европейской поездке» в Лондон и Париж⁸. 20 апреля было тем самым днем, когда шеф жандармов Бенкендорф написал Пушкину письмо, отклоняя его просьбу присоединиться к армии и участвовать в турецкой кампании, но обещая найти «первую возможность, чтобы употребить его выдающиеся таланты на пользу отечества»⁹. Пушкин ответил Бенкендорфу на следующий день, выражая свое сожаление, что ему не будет позволено принять участие в военных действиях, и попросил разрешения у Николая I на проведение шести или семи месяцев в Париже.

В июне Грибоедов уехал из Санкт-Петербурга в Тегеран через Грузию и появился вновь лишь в пушкинском «Путешествии» — мертвым, растерзанным в русском посольстве фанатичной толпой шиитов. Его тело везли назад в европейскую Россию через Кавказ. В августе Пушкин еще отчетливее осознал, какие испытания он может претерпеть в своем отечестве, в связи с унижительным вопросом по поводу его авторства кощунственной сатиры «Гавриилиада» (1817). Очевидно, отъезд Пушкина в Грузию без официального разрешения весной 1829 года был реакцией на политическое давление и осуществлением желания скрыться из России. Упоминание о Хаджи-Бабе на пути в Лондон указывает на то, что Пушкину Арзрум, каким бы азиатским он ни был, возможно, тоже представлялся промежуточным пунктом в путешествии на Запад, которое он так хотел предпринять.

Кажется, что власти, следившие за всеми перемещениями Пушкина, разрешили поэту дойти до линии фронта и смешаться с войсками для того, чтобы Паскевич мог присматривать за ним, а также с более возвышенной надеждой, что он может написать несколько прекрасных военных од во славу России. В своем «Путешествии», однако, Пушкин вскрывает неоднозначный характер войны и, среди ненависти и убийств,

⁸ См.: Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина 1926–1829. М., 2001. С. 209.

⁹ Там же.

пытается обрести художественно независимую позицию. Пушкин указывает на нее самым тоном своего повествования — занимательного, ироничного, просвещенного. Автор дистанцируется от официоза; он как будто испытывает неудобство от того, что ему приходится откликаться на патриотические ожидания. Его рассказ содержит непосредственные и часто неожиданные отклики самых разных «восточных» персонажей, встречающихся на его пути: от калмыцкой девушки с чубуком, которая отказывается его поцеловать, до паши Арзрума, который провозглашает его святым.

Прежде чем уехать из Европейской части России, Пушкин наносит визит генералу Ермолову — «голова тигра на Геркулесовом торсе» (т. 8/1, с. 445), — который предводительствовал российскими войсками на Кавказе с 1816 по 1827 год, подавил мусульманское сопротивление и построил военную Грузинскую дорогу. По ней Пушкин поедет в Тифлис. В каком-то месте дороги, переходя, по его словам, «из Европы в Азию», Пушкин оценивает достижение Ермолова следующими искренними и ужасными словами: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» (т. 8/1, с. 449).

Вскоре после прибытия в Грузию Пушкин встречается с персидским придворным поэтом Фазиль-Ханом. С помощью переводчика он произносит то, что считает подходящим «высокопарным восточным приветствием» (т. 8/1, с. 452). Фазиль-Хан любезно дает умный и космополитичный ответ на простом языке, заставляя Пушкина почувствовать смущение и принять решение никогда больше не судить о человеке по бараньей папахе или крашеным ногтям. Ближе к концу «Путешествия» Пушкина представляют арзрумскому турецкому паше как «поэта». Паша кланяется ему: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются» (т. 8/1, с. 475), — приветствие, которое, лаконично отмечает Пушкин, понравилось всем присутствующим.

Мориер в своей прозе о путешествиях ясно высказал мнение о «земных господах» Персии, династии Каджаров, которая занимала Трон Павлина в течение XIX века: «История Персии от смерти Надир Шаха до восшествия на престол нынешнего правителя, охватывающая период в пятьдесят один год, представляет собой не более чем список имен тиранов и узурпаторов, череду убийств, предательств и бедствий». Среди многочисленных объектов сатиры Мориера в «Хаджи-

Бабе» — деспотическое государство. И значит, в постдекабристской России книга могла иметь другой, более скрытый резонанс. Когда Хаджи-Бабу просят дать отчет шаху о таких вещах, как «неразумная манера управления государством в Англии», Хаджи-Баба идет в кофейню за советом к реис-эфенди, писцу. За чашкой йеменского кофе реис-эфенди объясняет ему суть конституционной монархии и парламентской демократии «неверных»: шах без реальной власти и «определенные помещения, наполненные безумцами, которые регулярно собираются в течение полгода, чтобы ссориться <...> они тратят больше слов, чтобы уладить простой вопрос, чем потребовалось бы одному из наших муфтиев в течение всего периода правления».

В «вольном переводе» Сенковского этот отрывок есть. Тем не менее Сенковский, бывший официальным цензором и самолично дававший разрешение на публикацию романа, допустил другие вольности, изменяя текст, свидетельствующие о том, что ученый в России 30-х не мог чувствовать себя свободным. Реис-эфенди так говорит о народе, ставшем родным для Сенковского: «Есть еще эти еретики русские, самое нечистое и проклятое племя. Их страна так велика, что, говорят, один конец ее покрыт вечными снегами, в то время как на другом — жара. Они — наши настоящие враги: и когда мы уничтожим их, то закричим Машаллах, хвала Богу! Мужчины и женщины правят там по очереди, но они напоминают нас тем, что казнят своих правителей почти так же часто, как мы».

Сенковский достаточно хорошо понимал настроение власти, чтобы преобразовать этот политически сомнительный пассаж в свидетельство колониального триумфа, которое, без сомнения, должно было прийтись по вкусу русскому «шаху» и его генералам больше, чем путевые впечатления поэта-дервиша: «Во-вторых, русские неверные, самое нечистое и опасное племя. Они отняли у нас Очаков, Крым и многие другие области. Аллах велик! С предопределением бороться нельзя. Ай, москоу, москоу! Они выжали нам мозг из костей; зато когда нам случится усечь голову кому-нибудь из них, то уж восклицаем: Машаллах!

— Не говорите мне о москоу, ради вашей души! — сказал я с жаром, — я их знаю: они стреляют заколдованными пулями».

Перевод с английского А. ГОРБУНОВОЙ.

Оксфорд — Москва

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Июль — Август 2005

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредитель: Фонд «Литературная критика»

В НОМЕРЕ:

О чем спорят литературоведы

Перечитывая «Поднятую целину» Шолохова

Заметки о творчестве Набокова

**«Гарри Поттер»
и жанры «взрослой» литературы**

Памяти Татьяны Бек

Литературные провокации П. Альтенберга

**Бабель — редактор и переводчик
Мопассана**